Комментарий № 39
30 января 2020

Иранский кризис и параллели для Восточной Европы

Сергей Богдан

Резюме

Обострение кризиса вокруг Ирана вызвано отчаянием всех сторон конфликта. Иран экономически загнан в угол и вынужден срочно искать выход из сложившейся ситуации, чтобы не столкнуться с коллапсом. А США и их союзники понимают, что у них остается все меньше времени до того, как ракетная и ядерная программы Ирана выйдут на уровень, позволяющий Тегерану в любой момент создать эффективное атомное оружие.

Содержание

1 Ни войны, ни мира
2 Сорок лет санкций не помогли
3 Иранские уроки и параллели

На региональном уровне ситуация вокруг Ирана обострилась еще весной 2019 года. Устав ждать, когда Тегеран согласится на переговоры по новой «пакетной» сделке, касающейся его атомной программы, ракетных испытаний и регионального присутствия, президент США решил в конце апреля не продлевать действие т.н. «изъятий», разрешавших ряду стран покупать иранскую нефть. В условиях глобального доминирования США это означало конец крупной открытой торговли иранской нефтью. Даже Китай с середины лета приступил к сокращению закупок нефти у Ирана и переключился на Саудовскую Аравию.

Нефть составляет основу доходов Ирана, который вынужден многое закупать за границей, включая продовольствие. Потому он нуждается в иностранной валюте, и прекращение такой торговли означало медленное угасание иранского правительства. В 2010 году доля доходов от нефти составляла 80% от валютных поступлений Ирана и 60% национального бюджета. В 2018 году, в результате главным образом не увеличения экспорта других товаров, а вытеснения иранской нефти с рынков в результате действия американских санкций, нефтяные доходы составили лишь 56% поступлений от экспорта. И падение продолжилось.

Это означает не только обеднение населения и сокращение финансовых средств режима. Но и то, что внутри иранского государства и бизнеса исчезает экономическая и социальная база для сотрудничества с Западом. Вместо бунта против режима, который, по словам Вашингтона, вынуждает США вводить санкции, люди скорее выбирают эмиграцию.

Особенно пострадали сторонники договориться с Западом в иранском истеблишменте, долгое время искавшие компромисс хотя бы с ЕС. Правительство в лице президента Роухани и его команды, а также их политических союзников в других ветвях власти, было готово работать над остававшимися после ядерной сделки проблемами в отношениях с Западом. И убеждало, что терпение и уступки в отношении ЕС в итоге приведут к улучшению положения внутри страны. Но после отмены изъятий, у них не осталось аргументов, и главное – денег.

Важно понимать специфику иранского государства, связанную с его революционным происхождением. Формально на вершине пирамиды власти в Иране стоит фигура Верховного вождя Исламской революции, которая должна объединять в себе две действующие под его руководством или, скорее, в согласовании с ним силы. Это:

1. органы национального государства (прежде всего, исполнительная власть);
2. транснациональные структуры (самым ярким представителем которых является Корпус стражей Исламской революции (КСИР) со множеством связанных с ним экономических и политических интересов внутри Ирана и за рубежом. Это даже не параллельное государство, а сеть мощных организаций и ценных активов, функционирующая автономно и часто помимо воли правительства Ирана.

Эти силы взаимодействуют, но нередко и соперничают друг с другом, обращаясь к Верховному лидеру как арбитру. Последний обычно не занимается повседневными вопросами и практически не может навязать свою волю, а принимает политические решения исходя из расклада сил. Иногда это ведет к параллельным политическим курсам правительства и КСИРа.

Так как сторонники соглашений с Западом не смогли добиться снятия санкций, на первый план стал выходить КСИР, предлагавший силовой вариант решения проблем. Это стало понятно после его операций против иностранных танкеров в Заливе, которые завершились освобождением иранского танкера в Гибралтаре. Далее региональная конфронтация продолжилась нарастанием числа

израильских налетов на позиции КСИРа и его союзников в Ливане и Сирии, а затем – впервые с 1981 года – и в Ираке. Через своих йеменских союзников в сентябре Иран ударил по НПЗ в Саудовской Аравии.

Осенью к этой хронике добавились новые эпизоды, которые придали событиям опасный оборот. Прежде всего, это волнения в Иране в ноябре, нервная реакции на них Тегерана (впервые выведшего бронетехнику против демонстраций и замалчивавшего цифры жертв, хотя не сами факты волнений!) и нереалистичные сообщения в западных СМИ о масштабе демонстраций и жертв. Это создало на Западе ошибочное впечатление о слабости режима.

> Белый дом ожидал, когда Тегеран сдастся под давлением. Но бесконечно ждать Трамп не готов, поскольку время работает на Иран, который приближается к моменту, когда будет обладать всем необходимым для создания ядерного арсенала.

В результате в конце 2019 года Вашингтон сознательно обострил обстановку, чтобы спровоцировать столкновение и прекратить процесс «ползучей нуклеаризации» Ирана. И чрезмерного влияния Тегерана на процессы в ряде стран региона, которое граничит с вмешательством в их внутренние дела.

Для этого США сначала обстреляли 29 декабря объекты иракского шиитского ополчения «Хашд аш-Шааби», связанного с Ираном. Но этого оказалось недостаточно для расшатывания ситуации. Предпринятая в ответ осада американского посольства в Багдаде оказалась лишь демонстрацией с элементами погрома и массовых беспорядков. Серьезных попыток захвата и удержания посольства не предпринималось, ущерб был минимальным, демонстранты так и не проникли в само посольство, а осада была снята добровольно. И Белый дом продолжил играть на повышение ставок, убив 3 января генерала Касема Сулеймани, высокопоставленного военного, прибывшего в Багдад с официальным поручением. Это лицо, скорее, символическое для КСИРа и всего Ирана. И потому идеально подходившее, чтобы бросить Тегерану вызов, который тот не сможет игнорировать.

Ни войны, ни мира

Последовавшие осторожные ракетные удары Ирана по американским базам свидетельствуют о стремлении Тегерана удержать ситуацию от перехода в безнадежное для Ирана военное столкновение с США и их союзниками. После

этого кризис загнали вглубь, но стороны настаивают на своем: Трамп требует новой сделки, а Иран настаивает на выполнении старой. Переходить к полноценным боестолкновения стороны пока не хотят.

Тегеран может навредить США, в том числе через широкую сеть партнеров в регионе, но его сдерживают три фактора: 1) тяжелая экономическая ситуация; 2) понимание, что в стране имеется потенциал для серьезного протестного движения; 3) катастрофическое состояние с технической оснащенностью иранских вооруженных сил, особенно авиации всех видов.

США также не хотят без крайней необходимости начинать войну ввиду неизбежных затрат и сложностей операции.

> Ставка сделана на «disruption strategy». Она была разработана еще под руководством Джона Болтона и предусматривает резкие и диспропорциональные действия, вроде убийства официального представителя Ирана.

Она должна «сотрясти тонкий внутренний баланс сил и контроль над ними – то, от чего зависит стабильность и выживаемость» режима. Отчасти это уже сработало: ошибки разнервничавшегося режима в виде сбитого «Боинга» и лжи о содеянном подорвали его позиции внутри страны и за рубежом.

При этом и с мирным урегулированием не спешат. А шансы сохранить ядерную сделку 2015 года минимальны. Со стороны США и их союзников, прежде всего на Ближнем Востоке, наблюдается единая воля принудить Тегеран к заключению нового соглашения.

Тегеран же настаивает на сохранении сделки 2015 года с урегулированием оставшихся вопросов через дополнительные соглашения или другие шаги. Иранское правительство, при некоторой поддержке Хаменеи, действительно сделало некоторые важные шаги. В частности, Тегеран продвинулся в присоединении к Группе разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) и Палермской конвенции. Эти механизмы поставят иранскую банковскую систему под международный контроль и приведут к практической невозможности ее использования в финансировании иностранных политических организаций, выступающих против интересов Запада. Даже после убийства Сулеймани Тегеран не отказался от возможного присоединения к этим документам, несмотря на протесты со стороны влиятельных политических кругов внутри Ирана.

Судя по всему, была договоренность между Ираном и странами ЕС о сохранении ядерной сделки и урегулировании других вопросов. Но ЕС не сможет ее выполнить под давлением Вашингтона. Россия и Китай также не рискнут портить отношения с США из-за Ирана, который они и сами подозревают в попытках создать ядерное оружие. Даже Пекин, несмотря на массивное присутствие в Иране, не будет склонен вмешиваться в конфронтацию США и Ирана. Как и в Ливии в 2011 году.

Сорок лет санкций не помогли

Дальнейшей неопределенности вокруг Ирана Вашингтон терпеть не желает и не ограничится новыми санкциями. Ведь санкции самого разнообразного характера со стороны США и его союзников действуют в отношении Ирана с 1979 года. С конца 2000-х годов они стали принимать универсальный характер, а к их режиму присоединяется подавляющее большинство стран мира, ведь они частично подкрепляются решениями Совбеза ООН.

Результатом стали расшатывание основ иранского государства и подрыв перспектив общества.

> Санкции не влияют на поведение режима в направлении его изменения в соответствии с желаниями США. При этом они меняют расклад сил в Иране, подрывая правительство, на фоне чего растет вес КСИР и связанных с ним транснациональных структур.

Последние хорошо чувствуют себя в таких условиях и неплохо справляются с ограничениями. В итоге окончательно подорваны позиции либерального крыла, которое проиграет предстоящие парламентские и президентские выборы.

Следует ожидать дальнейших шагов США по дестабилизации иранского режима и ограничению его дееспособности. На выходе, вероятно, планируется получить либо южноафриканский вариант (демонтаж режима и приход нового правительства, которое уничтожит все компоненты ядерного потенциала), либо сирийский (коллапс государства и общества, обеспечивающий не менее гарантированный демонтаж ракетной и ядерной программ). Учитывая расклад сил в иранском обществе, почти неизбежен последний.

Вашингтон попытается усилить международное давление на Тегеран и вернуться хотя бы к тому, что удалось Обаме: вывести иранский ядерный вопрос на уровень СБ ООН и принять резолюции. Они позволили убедить РФ и КНР следовать

фактически западной линии в отношении Ирана. Если Вашингтону удастся вернуть ситуацию на тот уровень, это позволит при необходимости обосновать военную операцию. Если режим не удастся дестабилизировать до того, что является предпочтительным вариантом для Белого дома. Но времени ждать нет. Потому США так жестко требуют от европейцев запустить процедуру рассмотрения споров в рамках ядерной сделки, которая может вернуть все санкции ЕС и вновь внести «иранский вопрос» на рассмотрение СБ ООН.

Параллельно будут предприниматься и другие шаги. С одной стороны, вероятно, возрастет поддержка оппозиции самого разного характера внутри Ирана. С другой – возможна организация международных коалиций по поддержанию безопасности в Персидском заливе (фактически по ограничению свободы действий Тегерана в самом важном для него направлении, в конце 1980-х это уже удавалось).

Эта опасная динамика будет усугублена тенденциями в самом Иране. Либеральные силы с 2013 года делали ставку на переговоры с Западом для решения всех проблем. На фоне изоляции страны и существенного ухудшения экономической ситуации в последние годы эти политические силы обанкротились. Уже через четыре месяца весьма влиятельный иранский парламент – Меджлис – станут контролировать силы, выступающие за более радикальный курс. Скорее всего, такой же результат получится и по итогам президентских выборов: как предупреждают иранские либералы, «нас ожидают новые ахмадинежады».

Тегеран будет тянуть время и пытаться спасти ядерную сделку. Иранское руководство уверено в достаточной для этого поддержке, оценивая массовое участие в похоронах Сулеймани как стихийный «референдум» в свою пользу. При этом параллельно Тегеран продолжит демонстрировать свои способности создать все компоненты для производства эффективного ядерного арсенала. Будут проводиться ракетные испытания, в том числе запуск спутников, который позволит продемонстрировать наличие у Тегерана надежных ракет дальнего радиуса действия, способных нести ядерное оружие. Продолжится обогащение урана.

> Иранский режим, скорее всего в силу идеологических установок, к созданию полноценного ядерного оружия пока не склонен, но ему важно демонстрировать эту способность.

Продолжится и региональное противостояние с США и их союзниками в регионе (Сирия, Ирак, Йемен). Можно ожидать, что Тегеран расширит круг поддерживаемых им движений (например, за счет «Талибана»).

Иранские уроки и параллели

Подводя итог, можно указать на три важных урока для Беларуси и Восточной Европы.

Во-первых, санкции и сокращение экономического взаимодействия обычно деструктивно сказываются на перспективах либерализации и сближения с Западом. Прежде всего, подрывается социальная и экономическая базы для таких процессов.

Более того, государство, которое сталкивается с последовательным ограничением его внешней торговли или международного сотрудничества, становится все более склонным к радикальным действиям в соответствующем регионе. Когда Иран вытеснили с нефтяных рынков, он ответил новыми усилиями по дестабилизации региона, ведь терять ему было уже нечего. Соответственно, если вытеснять Россию из Восточной Европы, станет ли Кремль конструктивнее взаимодействовать со странами региона?

Во-вторых, к опасным заблуждениям приводит смешивание действий акторов, формально являющихся представителями одного режима, но преследующих различные цели. Деконструкция единого государства, открытие этого *«black box»*, порой помогает лучше понять механизм конфликтов и найти пути их решения. Понятие «Иран» вообще порой выглядит нелепо при описании нынешнего кризиса, если не уточняется, кто именно имеется в виду. Ту же войну в Сирии бессмысленно называть иранской интервенцией – это проект сугубо КСИРа и его союзников, о котором иранское правительство вряд ли было даже в полной мере информировано.

> Параллель с Восточной Европой и РФ более чем очевидна: разобраться в политике России и найти пути для более конструктивного взаимодействия стран Восточной Европы с ней можно, лишь разобрав *«black box»* государства российского.

В-третьих, нужно ценить и прагматично использовать исторические шансы, которые могут исчезнуть и не возникнуть снова еще долгое время. Иран в конце 1990-х годов был готов к соглашению с Западом, его руководство (включая

Верховного лидера) и общество были склонны пойти на сближение с возникшим после Холодной войны миропорядком. Режим либерализировался, резко сократил финансирование радикальных движений, не было еще и ядерной программы. Но, вместо шагов навстречу, Тегерану начали припоминать дела дней давно минувших, затем предъявлять нереалистичные требования в сфере прав человека, а в 2002 году Вашингтон вообще включил Тегеран в «ось зла». Нечто похожее, но в куда меньших масштабах произошло и после 2013 года. Возможность построить более стабильный Ближний Восток была упущена, возможно на десятилетия.

И это похоже на упущенную возможность выстроить региональную систему безопасности в Восточной Европе и включить в нее Россию в 1990-х годах. Вместо постепенного выстраивания инклюзивной Восточной Европы России продолжили припоминать старое и подозревать даже Россию Ельцина и Козырева в антизападничестве и реваншизме.

Публикация подготовлена при поддержке белорусского офиса Фонда им. Конрада Аденауэра (Германия). Ее содержание отражает исключительно мнение автора.

Сергей Богдан
научный сотрудник, Институт истории им. Фридриха Майнеке Свободного университета Берлина